

Две пары глаз одновременно уставились на неё. Как бы Цзин Хуань ни пыталась сохранить спокойствие, растерянность на её лице выдавала её с головой. Лимонную воду она налила Су Яньсинь — это была её ошибка по работе. Цзин Хуань не к чему было придраться, да и оправдываться она не собиралась. Опустив глаза, она изо всех сил ущипнула себя за бедро и наконец выдавила:

— Принесла вам столько вреда, мне правда очень жаль, мисс Су.

Попросив прощения у Су Яньсинь, Цзин Хуань подняла взгляд на Кэ Цинъюнь и снова выразила сожаление:

— Прошу прощения, гендиректор Кэ. На этот раз я ошиблась по работе. Вычтите из моей зарплаты или... даже уволите.

Цзин Хуань стояла прямо, опустив голову и опустив руки по швам, словно провинившийся ребёнок, ожидающий наказания. Кэ Цинъюнь, глядя на неё, вздрогнула. Уволить? Ситуация вовсе не была настолько серьёзной. Кэ Цинъюнь поспешно встала, торопясь объяснить:

— Цзин Хуань, я не виню тебя.

Увольнение и вовсе не нужно.

Её тон был резким, но это не было направлено против Цзин Хуань. Она просто слишком волновалась. Днём санитарная инспекция приехала в кампус для проверки, и Кэ Цинъюнь была занята приёмом комиссии, не замечая телефона. Когда она наконец освободилась, то увидела более тридцати пропущенных звонков, все от Су Яньсинь и Хуа Жун.

Оказалось, что Су Яньсинь отправила Хуа Жун фотографию из больницы, а затем перестала отвечать на звонки. Хуа Жун, охваченная тревогой, тут же позвонила Кэ Цинъюнь, чтобы узнать, что произошло. Её голос звучал так, будто она готова была немедленно вылететь в Шанхай. Кэ Цинъюнь, занятая делами, не знала, что происходит, но, поддавшись эмоциям Хуа Жун, решила, что случилось что-то серьёзное, и бросила работу, чтобы поехать в больницу.

Дочь главы Хуа Жун пострадала, и это было похоже на рабочую ошибку. Ей нужно было немедленно разобраться в ситуации, решить проблему и минимизировать ущерб.

Но её тон всё же был слишком резким.

Кэ Цинъюнь сжала губы, протянув руку, чтобы взять Цзин Хуань за руку и извиниться, но та незаметно уклонилась.

— Я возьму на себя все медицинские расходы мисс Су. Если в дальнейшем возникнут какие-либо проблемы, я буду нести ответственность до конца.

— Мне уже не так сильно чешется, наверное, ничего серьёзного. — Су Яньсинь посмотрела на Кэ Цинъюнь. — Сестра Цинъюнь, не ругайте секретаря Цзин.

Кэ Цинъюнь почувствовала пульсацию в висках, особенно после того, как услышала это «сестра Цинъюнь».

— Я не ругаю её!

Лицо Кэ Цинъюнь было хмурым, а голос громким, что делало её вид несколько устрашающим.

Су Яньсинь опешила от её крика, глаза у неё тут же покраснели.

— Сестра... ты на меня злишься?

Эта сцена, казавшаяся накалённой до предела, на самом деле была похожа на заигрывание. Цзин Хуань не было настроения наблюдать за этим, поэтому она слегка прервала их:

— Если всё в порядке, я пойду обратно на работу. Мисс Су, если позже вы почувствуете недомогание, звоните мне в любое время, я отвезу вас на осмотр.

Су Яньсинь опустила голову, всхлипывая и не говоря ни слова. Цзин Хуань подождала полминуты, но, видя, что та молчит, решила, что это молчаливое согласие, и повернулась, чтобы уйти.

— Не уходи. — Кэ Цинъюнь подошла и схватила Цзин Хуань за руку.

Цзин Хуань обернулась, удивлённая:

— Гендиректор Кэ, что-то случилось?

Су Яньсинь была рядом, и Кэ Цинъюнь не хотела говорить при ней, поэтому она слегка потянула Цзин Хуань за руку, предлагая сменить место:

— Мне нужно с тобой поговорить.

— Сестра Цинъюнь! — Су Яньсинь резко подняла голову, с красными глазами спросив Кэ Цинъюнь. — Ты не хочешь, чтобы я приезжала в Шанхай к тебе в гости? Тогда я сейчас же уеду.

С этими словами она потянулась к игле на тыльной стороне ладони. Цзин Хуань и Кэ Цинъюнь были шокированы и поспешили остановить её. Кэ Цинъюнь схватила её за запястье, очень сердито:

— Ты что, совсем безрассудная!

Су Яньсинь посмотрела на Кэ Цинъюнь, на мгновение замерла, а затем разрыдалась, слёзы ручьём потекли из её глаз. Она оттолкнула Кэ Цинъюнь:

— Я хочу домой, ты на меня кричишь, я больше не хочу тебя видеть.

Её плач привлёк внимание окружающих.

— ... — Цзин Хуань впервые столкнулась с подобным зрелищем. Су Яньсинь теперь видела в ней соперницу, и чтобы успокоить её, Цзин Хуань могла только уйти. — Гендиректор Кэ, если что-то случится, напишите мне в корпоративном WeChat. Вы позаботьтесь о мисс Су.

Резкий плач Су Яньсинь вызывал у Кэ Цинъюнь головную боль. Она взглянула на Цзин Хуань и слабо сказала:

— Тогда иди.

— Хорошо. — Цзин Хуань не стала задерживаться и сразу же ушла.

Кэ Цинъюнь провела рукой по лбу и села рядом с Су Яньсинь, с обречённостью:

— Хватит плакать, все на тебя смотрят.

Плач постепенно стих. Су Яньсинь подняла глаза, всхлипывая:

— Ты меня ненавидишь?

— Яньсинь, ты сейчас была слишком безрассудной. — Кэ Цинъюнь вздохнула и сказала с серьёзным выражением. — Твоя мама так тебя любит, если бы она узнала, что у тебя аллергия, а ты не хочешь делать уколы и лечиться, она бы очень волновалась. Здоровье — это твоё собственное, и в будущем, что бы ни случилось, больше не делай так, поняла?

Су Яньсинь всхлипнула и кивнула:

— Поняла, но я не хочу, чтобы ты уходила.

— Я не уйду. — Кэ Цинъюнь подняла взгляд на капельницу. — Когда закончишь, я отвезу тебя домой отдохнуть.

— Правда? — Су Яньсинь смотрела на неё сквозь слёзы.

Кэ Цинъюнь кивнула, сказав «угу», и отвлеклась, закрыв глаза. Она выглядела очень уставшей.

Су Яньсинь повернула голову, тихо прижавшись к плечу Кэ Цинъюнь, и прошептала:

— Прости, сестра, я была неправа. Я больше так не буду.

Кэ Цинъюнь едва слышно вздохнула, притворившись, что не слышит, и не ответила.

Когда капельница закончилась, уже стемнело. Перед уходом врач выписал Су Яньсинь мазь и велел вернуться ещё на три дня для постановки капельниц. Кэ Цинъюнь, как временный опекун, ответила:

— Хорошо, спасибо, доктор.

Когда они сели в машину, Хуа Жун снова позвонила, на этот раз с редкой серьёзностью, строго отчитав Су Яньсинь:

— Ты отправила фотографию и выключила телефон! Ты уже почти взрослая, как ты можешь так беспокоить маму!

— У меня просто сел телефон. — Су Яньсинь оправдывалась.

Хуа Жун с досадой вздохнула, не продолжая ругать:

— Передай телефон Цинъюнь, я хочу с ней поговорить.

— Сестра, мама хочет поговорить с тобой. — Су Яньсинь повернулась к Кэ Цинъюнь.

Кэ Цинъюнь выдохнула, жестом показав Су Яньсинь положить телефон на держатель, и включила громкую связь:

— Алло, наставник.

— Цинъюнь, спасибо, что присматриваешь за Яньсинь. — Хуа Жун вежливо сказала.

Кэ Цинъюнь сохраняла нейтральное выражение лица, её голос был сдержанным:

— Наставник, не стоит так говорить. Я плохо присмотрела за Яньсинь, это моя упустила. Мне следует извиниться перед вами.

— Яньсинь — ребёнок своенравный, часто действует необдуманно. Я, как её мать, это понимаю. Это не твоя вина.

Хуа Жун усмехнулась и продолжила:

— Цинъюнь, ты та, кого я воспитала сама. Ты спокойная и самостоятельная, я тебе полностью доверяю. Именно поэтому Яньсинь с детства восхищается только тобой, совершенно не обращая внимания на меня, свою мать.

Кэ Цинъюнь проигнорировала намёк в её словах, улыбнувшись:

— Как же так, Яньсинь очень уважает вас.

— Именно, именно, зачем так жалеть себя. — Су Яньсинь, слышавшая разговор по громкой связи, поддержала её.

— Взрослые разговаривают, дети не вмешиваются. — Хуа Жун отчитала её.

Су Яньсинь небрежно фыркнула и опустила голову, играя с телефоном.

— Яньсинь ещё слишком молода, многого не понимает. Если она где-то ошибается, Цинъюнь, будь терпелива, не сердись на ребёнка.

Кэ Цинъюнь улыбнулась:

— Наставник, что вы говорите. Яньсинь очень умная, вам не нужно слишком беспокоиться.

— Эх! У меня только одна дочь, за кем ещё мне волноваться, кроме этой девчонки? Но и я сама виновата, не могу сидеть без дела. — Хуа Жун с досадой усмехнулась. — Кстати, я сейчас в командировке в долине Дацин, и заметила, что их методы привлечения новых клиентов довольно эффективны. Когда вернусь в Шанхай, обсудим, может, Хуюань тоже сможет перенять их опыт.

— Хорошо, спасибо, наставник.

Хуа Жун дала ещё несколько советов по работе:

— В кампусе Суюань возникли проблемы с общепитом, гендиректор Яо Бинь был отстранён от должности, и теперь все кампусы в смятении. Хуюань, как кампус, готовящийся к открытию, особенно важен для председателя и руководства. Цинъюнь, будь особенно внимательна в этом вопросе, не допусти ошибок.

<http://bllate.org/book/16911/1568388>